

Категория времени

7 фактов об одной из важнейших аристотелевских категорий

09.01.2013

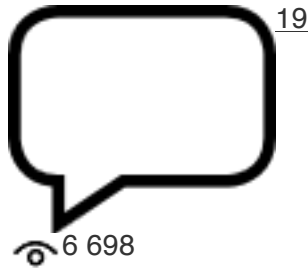

Фото: Cindy Schultz

Аристотелевские категории устроены так, что каждая из десяти может стать центральной. Что значит центральной? Она может стать сущностью. Первой, главной категорией. И категория времени, хотя она и является не первой, но для нас сейчас, сегодня, когда мы о ней говорим, становится первой.

Что такое время? Очень интересно, что Аристотель избегает слова «время», когда говорит об этой категории. Он говорит о том, когда нечто было. Итак, что такое время? Время – это ответ на вопрос «когда?». Это не длительность, это не философская категория. Это ответ на вопрос «когда?». И этот ответ на вопрос «когда?» дать иногда очень трудно. Потому что на вопрос «когда?» можно ответить очень по-разному. Можно сказать «никогда» или «всегда». Вот эти две крайности, «никогда» и «всегда», говорят о том, что время является для нас загадкой. И мы всю жизнь пытаемся эту загадку разгадать. До самого конца своего времени. И когда такая бескрайняя загадка стоит перед человеком, перед человеческим обществом, перед людьми, они на этот вопрос дают очень разнообразные ответы. Попробуем их рассмотреть с точки зрения греческой мифологии.

2

Первое, с чего начинается, – это Хронос. А Хронос – это Кронос, а Крон – это сын матери Земли и отца Неба, который возник когда-то. Значит, время не существовало всегда, оно возникло после появления пространства. Оно родилось из вот этого разомкнутого пространства. Интересно, что родилось оно и в греческой традиции, и в еврейской традиции очень похожим образом. Немножко потеснилось то, что было до времени, и появилось пространство, внутри которого могло родиться время. У евреев потеснился всемогущий и иногда добрый Б-г, у греков распахнулась молчавшая пасть Хаоса – Хасма. Вот эта исходная связь времени и первого пространства, первичного пространства, она потом, как ни странно, в современной науке будет снова востребована. Если читать современные книги, например, Стивена Хокинга, мы знаем, что вот это представление о времени и пространстве имеет связь с самой первой ранней греческой интуицией, архаичной очень интуицией, что время возникло из ничего, или после того, как кончилось «ничто». И вот это первичное ничто, этот хаос, который был разомкнут на землю и небо, из него возникает бог Кронос. Он тезка времени, и этот бог начинает с того, что пожирает своих детей. Вот это функция времени, как поедающего человека, она вообще-то хорошо понятна. Каждый человек замечает новые морщинки у зеркала или седые волосы – отмеряет этим свое время. И вот это мифологическое время, это изначальное время, как время пожирающее, содержит в себе еще один очень интересный элемент.

Stephen Hawking. A Brief History of Time (1988), и, особенно, ее переиздание 2005 года

Дело в том, что Кронос, Хронос, когда мы смотрим на него внимательно, мы видим, что его главный атрибут у древних греков – это серп или коса. Нечто отрезающее, обрезающее. В данном случае – орудие, оскотпляющее Урана. Кронос заставил отца остановить процесс воспроизводства, постоянного порождения богов. Иначе говоря, до того, как стать божеством, порождающим собственных детей, которых он тоже будет пожирать, Кронос совершил преступление против того, кто возник первым, и обреза, остановил его. Нам этот серп еще понадобится. Мы пока его держим в памяти.

Мы знаем эту функцию времени пожирающего из последнего стихотворения, на грифельной доске оставленного Г.Р.Державиным:

Река времен в своем стремленьи

Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья

Народы, царства и царей.

А если что и остается

Чрез звуки лиры и трубы,

То вечности жерлом пожрется

И общей не уйдет судьбы.

Итак, время граничит с вечностью. Что такое эта вечность, мы не знаем. Мы не понимаем, что такое вечность, или мы понимаем так же мало о ней, как и о том, что такое время. Потому что время все время исчезает. И как оппозиция этому времени исчезающему и вместе пожирающему нас, рождается представление о вечности, как о покое, об остановке всего, о пребывании всего сущего по ту сторону этого мира. О том, внутри чего нет движения. Платон говорит, что «время – это подвижный образ вечности». Вот это страшное время, которое с серпом идет и обрезает жизнь, – это, оказывается, только подвижный образ того, в чем на самом деле нет никакого убытка. И все остается, как оно было когда-то изначально. Эта мечта о вечном присутствует и греческом представлении о времени. Она имеет то же пространственное выражение. Вечная жизнь – это та жизнь, которая наступает после смерти, когда души отправляются на Острова блаженных, например. И там они пребывают в своем вот этом вечном состоянии.

Рассуждение о возможности вечности и есть в каком-то смысле естественное движение нашего сознания в пику наблюдаемому процессу старения и

пожирания временем нас самих, процессу боязни. Это не очень уклюжее выражение, но страх – это не просто состояние, это процесс, который по ходу жизни человека нарастает. Поэтому мечта о вневременном постоянно присутствует и в греческом мифе, и в нашей жизни.

Richard D. Mohr. Plato on Time and Eternity // Ancient Philosophy 6 (1986), pp. 39–46

5

Есть еще одна сторона в представлении о времени, о которой обязательно нужно сказать, – это метки времени или названия, например, разных отрезков времени. Они у нас почти все – греческие. Когда мы говорим о подземных реках загробного царства – одна из этих рек Лета – река забвения. Мы понимаем, что время – это некая длительность, которой присуща способность заставлять нас забыть о прошедшем. Минувшее забывается, должно быть забыто. А мы сопротивляемся. Память слабеет, а мы сопротивляемся. Мы хотим помнить об этом.

Тот образ реки времени, о котором мы знаем не только от Державина, конечно, но и от Гераклита, когда он говорит о времени, в котором нельзя прожить дважды, как о реке, в которую нельзя войти дважды. Другой философ, Кратил, сказал, что и один раз нельзя войти в реку, потому что мы этого времени не видим. Мы видим только, что оно нас смывает, а самого времени мы не видим. Вот откуда представление о нескольких реках времени. Это река Стикс последнего времени, которая сжигает, удушает или, по другой версии, замораживает человека, как Коцит. Это — река Лета, попадая в которую и напиваясь из которой, человек забывает все свое время, накопленное в жизни. Но это и удивительная река Фазис (мы все знаем это слово – фазис или фаза), это река в Колхиде, река, на берегу которой жила Медея – знаменитая волшебница, племянница Цирцеи. Это та самая волшебница Медея, которая умела, как и фессалийские ведьмы, сводить луну на землю. Кстати, в загробном царстве она станет супругой Ахилла. А мы с вами пользуемся, когда говорим о таком удивительном астрономическом явлении, выражением «фаза луны». Фаза! Что такое фаза? Это единица времени, связанная с событием. С событием астрономическим, с событием житейским. И эпоха – греческое слово эпохэ – что это такое? Слово, имеющее два значения. Помните серп? Когда мы говорили о серпе Кроноса – вот этот серп действует и здесь. Эпохэ, с одной стороны, – это воздержание, отказ от чего-то, некое перехватывание дыхания и удержание дыхания. Живя в начале какой-то эпохи, мы еще ничего о ней не

знаем- она новая. Но живя в конце эпохи, мы прощаемся со своим временем. Слово «эпоха» означает некий очень продолжительный отрезок времени, который характеризуется некоторыми устойчивыми и как бы не развивающимися чертами.

Например, мы можем говорить об эпохе средневековья, об эпохе возрождения, об эпохе великих географических открытий, об эпохе крепостного права. Это время, качественно очерченное, когда целый мир вдруг задержал дыхание и пока не дышит другим, не своим, новым воздухом. А потом – «отпустил», и наступила другая эпоха.

Кратил // Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подг. А. В. Лебедев. – Ч. I. – М.: Наука, 1989, с. 551–552

6

Течение времени вызывает постоянные страхи, постоянные ужасы, а память о них торопит мечту о единственном миге пересечения с вечностью. В греческой мифологии есть один эпизод, удивительный и страшный, в котором соединились эти два представления о времени текущем, убегаящем, безвозвратно уничтожающем, и о времени, как о мгновении, как о миге, соединяющем человека с вечностью, о которой он ничего не знает и не может узнать. Это сцена в «Илиаде», когда Ахилл убивает амазонку Пентесилею. Мы этот эпизод знаем из многочисленных изображений на вазах. По мотивам этой сцены есть замечательная картина у Климта: со склоненной головой мужчина и рядом с ним женщина, которая смотрит на него. Амазонка Пентесилея, которая пришла на помощь троянцам, сражается с Ахиллом. Ахилл убивает ее, пронзает ее своим копьем. И в то мгновение, когда он уже убил ее, она посмотрела ему в глаза, он заглянул ее в глаза, и они влюбились друг в друга. И вот этот миг, единственный миг влюбленности, перехода из жуткого, кровавого, пожирающего потока времени — в вечность описан греческим поэтом так, что не остается никакого сомнения в том, что, действительно, наряду с потоком времени, уносящим нас куда-то, есть уверенность в вечном, а не только мечта о вечном.

7

Как греки говорили: от взгляда рождается любовь. Оказывается, вот это представление, такое, казалось бы, клише, банальщина, пошлое, но – о вечной любви, что здесь его корень. Это встреча лиры и трубы, поэтического слова и воинского подвига ужасного, который состоит в убийстве, но это та встреча, которая загадку времени, с одной стороны, разрешает, потому что это

потрясающая, прекрасная сцена, а с другой стороны, заталкивает ее в нас, как еще более глубокую загадку, которую мы никогда и не сможем разгадать

Гасан Гусейнов

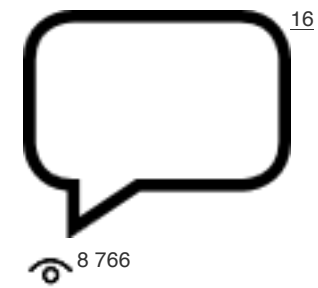
доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ

[Все материалы автора](#)

[Аристотель](#) - [Древняя Греция](#) - [филология](#) - [философия](#)

-
-
-
-
-
-

Контекст

[Видео](#)

10 аристотелевских категорий

Филолог Гасан Гусейнов о категориях отношения и действия, категории обладания и универсальности аристотелевских категорий

видео

Свойства философа

Филолог Гасан Гусейнов о бесстрашии, хорошей памяти, сообразительности и великодушии философов

